

САЛМАН

❖ РУШДИ ❖

ДЕТИ
ПОЛУНОЧИ

РОМАН

Перевод с английского
АНАСТАСИИ МИРОЛЮБОВОЙ

издательство
АСТ

УДК 821.111(410)-31

ББК 84(4Вел)-44

P92

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Рушди, Салман.

P92 Дети полуночи : роман / Салман Рушди; пер. с англ. А. Миролюбовой. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 768 с.

ISBN 978-5-17-155702-7

Роман “Дети полуночи” трижды получал премию “Букер”: в 1981 году как лучший роман, в 1993 и 2008 годах — к 25-й и 40-й годовщине премии как лучшее произведение из всех, ее получивших. Это роман-аллегория, рассказ об обретшей независимость Индии и о поколении, которое родилось уже в свободной стране. Это и миф, и притча, и фантазмагория, где переплетены трагическое и комическое, сатира и пафос, авантюра и драма, многоплановое повествование, рассказывающее о жизни главного героя, Салема Синая, и об истории Индии и отчасти Пакистана с 1910 по 1976 год.

УДК 821.111(410)-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-155702-7

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

- © Salman Rushdie, 1980
- All Rights Reserved
- © А. Миролюбова, перевод на русский язык, 2006
- © А. Бондаренко, оформление, 2023
- © ООО “Издательство АСТ”, 2023
- Издательство CORPUS®

Оглавление

КНИГА ПЕРВАЯ

Прорезь в простыне
11

Меркурохром
36

“Плешь-попади”
59

Под ковром
83

Публичное оглашение
105

Многоголовые чудища
130

Месволд
152

“Тик-так”
177

КНИГА ВТОРАЯ

Указующий перст рыбака

201

Змейки и лесенки

228

Происшествие в бельевой корзине

250

“Индийское радио”

277

Любовь в Бомбее

301

Мой десятый день рождения

322

В кафе “Пионер”

347

Альфа и Омега

371

Мальчик Колинос

395

Жезл командора Сабармати

419

Откровения

443

Передвижения перчатки

468

Дренаж и пустыня
489

Джамбия-невунья
510

Как Салем достиг чистоты
543

КНИГА ТРЕТЬЯ

Будда
573

В джунглях Сундарбана
598

Сэм и Тигр
620

В тени мечети
637

Свадьба
671

Полночь
699

Абракадабра
734

Книга первая

Прорезь в простыне

Я появился на свет в городе Бомбее... во время оно. Нет, так не годится, даты не избежать: я появился на свет в родильном доме доктора Нарликара 15 августа 1947 года. А в котором часу? Это тоже важно. Так вот: ночью. Нет, нужно еще кое-что добавить... Если начистоту, то в самую полночь, с последним ударом часов. Стрелки сошлись, словно ладони, почтительно приветствуя меня. Ах, пора, наконец, сказать прямо: именно в тот момент, когда Индия обрела независимость, я кувырнулся в этот мир¹. Все затаили дыхание. За окнами — фейерверки, толпы. Через несколько мгновений мой отец сломал большой палец на ноге, но это сущие пустяки по сравнению с тем, что свалилось на меня в сей злополучный полуночный миг, — берущие под козырек часы, их скрытая тирания, наручниками приковали меня к истории, и моя судьба неразрывно сплелась с судьбой моей страны. И в последующие три десятка лет

¹ 15 августа Индия отмечает национальный праздник — День независимости. В этот день премьер-министр Временного правительства Индии Джавахарлал Неру объявил народу, что британскому владычеству в Индии пришел конец. Свое заявление Неру сделал ровно в полночь 14 августа. 15 августа Дж. Неру поднял трехцветный флаг независимой Индии над Красным фортом в Дели.

не было мне избавления. Колдуны предрекли меня, газеты восславили мое появление на свет, политики удостоверили мою подлинность. Меня тогда никто не спрашивал. Я, Салем Синай, позже прозываемый то Сопливцем, то Рябым, то Пleshивым, то Сопелкой, то Буддой, а то и Месяцем Ясным, прочно запутался в нитях судьбы — что и в лучшие из времен довольно опасно. А я ведь даже нос не мог подтереть в то время.

Зато теперь время (ничего не значащее для меня) стремится к своему концу. Мне скоро исполнится тридцать один. Может быть. Если позволит моя осыпающаяся, изнуренная плоть. Но я не надеюсь спасти свою жизнь, я даже не могу рассчитывать на тысячу и одну ночь. Я обязан работать быстро, быстрее, чем Шахрезада, если хочу найти хоть какой-нибудь смысл, да, смысл. Должен признаться: больше всего на свете я боюсь бессмыслицы.

А нужно рассказать так много, слишком много историй, уйму жизней, событий, чудес, мест, слухов, такую густую смесь невероятного и приземленного! Я был поглотителем жизней; узнав меня хотя бы в одной из моих ипостасей, вы тоже поглотите их немало. Пожранные толпы теснятся, толкаются во мне; и, ведомый памятью о широкой белой простыне с прорезанной в центре неровной круглой дырою дюймов семи в диаметре, прилепившись мечтою к этому пробуравленному, искромсанному полотнищу, моему талисману, моему сезам-откройся, я начну, пожалуй, заново выстраивать свою жизнь с той точки, когда она началась на самом деле, года за тридцать два до начала, с такой же очевидностью, с такой же *данностью*, как и мое преследуемое боем курантов, запачканное злодеянием рождение.

(Простыня, кстати, тоже испачкана, там три старых выцветших красных пятна. Как нам вещает Коран: “Читай, во имя Господа твоего, который сотворил человека из сгустка”).¹

1 Коран, XCVI (“Сгусток”), ст. 1–2.

Однажды утром в Кашмире, ранней весной 1915 года, мой дед Адам Азиз, пытаясь молиться, ударился носом о смерзшуюся кочку. Три капли крови выкатились из его левой ноздри, тут же загустели в морозном воздухе и легли на молитвенный коврик, обратившись в рубины. Он отпрянул, выпрямился, не вставая с колен, и обнаружил, что слезы, выступившие на глазах, тоже затвердели — и в тот самый миг, когда он презрительно стряхивал с ресниц бриллианты, дед решил никогда больше не целовать землю — ни во имя Бога, ни во имя человека. И это решение пробило в нем брешь, оставило пустоту в жизненно важных нутряных полостях, сделало уязвимым перед женщинами и историей. Еще не догадываясь об этом, несмотря на только что прослушанный курс медицины, он встал, свернул молитвенный коврик в толстую сигару и, придерживая его правой рукой, оглядел долину светлыми, избавленными от “бриллиантов” глазами.

Мир обновился в очередной раз. Долина, вызревшая в зимнее время под скорлупою льда, сбросила его оковы и лежала теперь перед ним влажная и желтая. Свежая травка еще выжидала под землей, но горы, почуяв тепло, отступали все дальше, все выше, к летним кочевьям. (Зимой, когда долина съезживалась подо льдом, горы смыкались и скалились, будто злобные челюсти, вокруг приозерного городка.)

В те дни еще не построили радиовышку, и храм Шанкарачарьи¹, маленький черный пузырь на холме цвета хаки, возвышался над улицами Шринагара и над озером. В те дни на берегу еще не было военного лагеря — бесконечные змеи покрытых маскировочной тканью грузовиков и джипов не закупоривали узких горных дорог, и солдаты не прятались

1 Шанкарачарья (Ачарья Шанкара) (788–812) — один из основоположников философского учения адвайта-веданты. Последователи Шанкарачарьи отождествляют его с Шивой (Шанкарой) и сооружают в его честь храмы и святилища. Один из таких храмов находится на возвышающемся над Шринагаром холме.

за горными хребтами у Барамуллы и Гульмарга. В те дни путешественников, фотографировавших мосты, не расстреливали как шпионов, и если бы не плавучие домики англичан на озере, долина имела бы почти тот же вид, что и при Могольских императорах¹, несмотря на весеннее обновление, но глаза моего деда — им от роду было двадцать пять лет, как и всему остальному в Адаме, — все видели по-иному... к тому же свербел разбитый нос.

Секрет такого дедова зрения вот в чем: пять лет, пять весен провел он вдали от дома. (Судьбоносная кочка, притаившаяся под случайной складкой молитвенного коврика, явилась всего лишь катализатором.) По возвращении он смотрел на все повидавшими мир глазами. Не красоту крошечной долины, окруженной гигантскими зубьями, замечал он, а тесноту ее и близкий горизонт, и было ему грустно по возвращении домой оказаться в таком заточении. А еще он чувствовал, хотя не мог себе этого объяснить, как старый городишко выталкивает из себя его, образованного, со стетоскопом в кармане. Под зимним льдом городишко лежал холодный и безучастный, но теперь сомнения отпали: из Германии Адам вернулся во враждебную среду. Много лет спустя, когда он, заткнув свою брешь ненавистью, принес себя в жертву на алтарь черного каменного бога в храме на склоне холма, дед попытался вспомнить свои детские весны в раю, какими они были, пока дальняя дорога, кочка и тяжелые танки не испортили все на свете.

Утром, когда долина, прикрывшись, как перчаткой, молитвенным ковриком, расквасила ему нос, дед все еще самым нелепейшим образом пытался представить дело так, будто ничего не изменилось. И так, он встал в половине четвертого, в жестокий утренний заморозок, совершил положенное омо-

1 Могольские императоры — правители Индии из династии Великих Моголов.

вание, оделся и нахлобучил на голову отцовскую каракулевою шапку, затем захватил молитвенный коврик в виде свернутой сигары, отнес его в крошечный прибрежный садик перед темным старым домом и развернул над затаившейся кочкой. Земля коварно прогибалась под ногами, казалась обманчиво мягкой, и он ступал беспечно, хотя и с опаской. “Во имя Бога, милостивого, милосердного... — зачин, который он произнес, сложив руки книжечкой, укрепил какую-то его часть, а другую, гораздо большую, смутил, — ...слава Аллаху, Господу миров...” — но Гейдельберг никак не шел из головы: там была Ингрид, пусть и недолго, но *его* Ингрид, и она усмехалась, видя, как он обезьянничает, повернувшись лицом к Мекке; там были его друзья Оскар и Ильзе, анархисты; они высмеивали молитву, как и любую форму идеологии — “...Милостивому, Милосердному, Царю в день Суда!” — Гейдельберг, где, кроме медицины и политики, он узнал еще и то, что Индия, как радий, была “открыта” европейцами; даже Оскара переполняло восхищение Васко да Гамой¹. Вот что в конце концов оттолкнуло Адама Азиза от его друзей: их святая вера в то, что его, индийца, каким-то образом изобрели их предки. “...Тебе одному мы поклоняемся и просим помочь...” — и вот он здесь и, несмотря на их постоянное присутствие в мыслях, старается воссоединиться с собою прежним, тем, кто ведать не ведал их влияния, зато знал все, что потребно знать о смирении, скажем, о том, чем он был занят сейчас, и руки его, подчиняясь былой памяти, протянулись вперед — большие пальцы прижаты к ушам, прочие растопырены — когда он преклонял колена: “...Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал...” Но все без толку, попал он в какое-то странное средостение между верой и не-

¹ Васко да Гама (1469–1524) — знаменитый португальский мореплаватель. В 1497–1499 гг. совершил плавание из Лиссабона в Индию, обогнув Африку, и обратно, впервые проложив морской путь из Европы в Южную Азию.

верием — и ведь все это не более чем претензия — “...не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших”. Мой дед склонил чело к земле. Вперед он склонился, а земля, укрывшись под молитвенным ковриком, выгнулась ему навстречу. И вот настал звездный час затаившейся кочки. Кочка стукнула его по кончику носа, и этот удар как бы подвел итог — его отвергли и Ильзе-Оскар-Ингрид-Гейдельберг, и долина-и-Бог. Упали три капли. Сверкнули рубины и бриллианты. И мой дед, выпрямившись, принял решение. Встал. Свернул коврик в сигару. Глянул через озеро. И навсегда остался замкнутым в этом средостении — неспособный поклоняться Богу и не утративший окончательно веры в его существование. Непрерывные шатания: брешь.

Молодой, только что окончивший курс доктор Адам Азиз стоял, повернувшись лицом к весеннему озеру и вдыхая ветер перемен, а спина его (необычайно прямая) обращена была к переменам куда более многочисленным. Пока он был за границей, отца хватил удар, а мать это скрыла. Голос матери, ее отрешенный, стоический шепот: “...Потому что твоя учеба важнее, сынок”. Мать, которая всю жизнь провела в четырех стенах, на женской половине, вдруг нашла в себе необъятные силы и завела небольшую ювелирную лавку (бирюза, рубины, бриллианты), это вместе со стипендией и позволило Адаму закончить медицинский колледж. И вот он вернулся домой и обнаружил, что прежде казавшийся неизменным семейный порядок перевернулся с ног на голову: мать ходит на работу, а отец, чей мозг скрыт покрывалом болезни, сидит в деревянном кресле в затененной комнате и щебечет по-птичьи. Пташки тридцати видов прилетали к нему и рассаживались на наличник наглухо закрытого окна, болтая о том о сем. Он казался вполне счастливым.

(...И вот уже я вижу, как начинаются повторы: и бабка моя нашла в себе необъятные... и удар тоже разбил не толь-

ко... и у Медной Мартышки были свои птички... уже сбывается проклятие, а ведь мы еще не заикнулись о носах!)

Озеро уже очистилось ото льда. Таяние началось, как всегда, внезапно, застав врасплох множество мелких лодчонок и больших шикар¹, что тоже было нормально. Но пока эти лежебоки спали на суше, мирно похрапывая подле своих владельцев, самая дряхлая лодка пробудилась в два счета, как это часто бывает со стариками, и первой стала курсировать по очистившейся глади озера. Шикара Таи... и это тоже вошло в обычай.

Взгляните, как старый лодочник Таи споро скользит по мутной воде, как он стоит, согнувшись, на корме своего суденьшка! Как его весло, деревянное сердечко на желтом стержне, резко погружается в водоросли! В тех краях его считают чудачком, потому что он гребет стоя... И по другим причинам тоже. Таи, спеша передать доктору Азизу срочный вызов, вот-вот приведет в движение всю историю... Адам же, глядя на воду, вспоминает, как Таи учил его много лет назад: “Лед, Адам-баба², всегда дожидается под самой кожицей воды”. Глаза у Адама светло-голубые, удивительная голубизна горного неба просачивается обычно в зрачки кашмирцев — и те умеют смотреть. Они видят — здесь, перед собою, будто прозрачный скелет прямо под поверхностью озера Дал! — тонкие штрихи, сложное переплетение прозрачных линий, холодные, ждущие своего часа вены будущего. Годы в Германии, столь многое окутавшие туманом, не лишили Адама этого дара — видеть. Дара Таи. Азиз поднимает глаза, видит, как приближается лодка Таи, буквой “V” рассекая волны, приветственно машет рукой. Таи тоже поднимает руку — но повелевающим жестом: “Жди!” Мой дед ждет, и пока он вкушает

1 Шикара — “индийская гондола”, вместительная лодка, предназначенная для перевозки как людей, так и грузов..

2 Баба — батюшка (ласковое обращение к ребенку).

последний в своей жизни покой — топкий, непрочный покой, — я воспользуюсь этим зиянием и опишу его.

Заглушив естественную зависть уродца к мужчине видному и статному, свидетельствую, что доктор Азиз был высоким. Выпрямившись у стены родного дома, он закрывал двадцать пять кирпичей (по кирпичу на каждый год жизни), а значит, был ростом примерно в шесть футов и два дюйма. Кроме того, он отличался силой. Он отрастил густую рыжую бороду, к досаде матери, которая говорила, что только хаджи, совершившие паломничество в Мекку, имеют право носить рыжую бороду. Волосы, однако, были темнее. О небесно-голубых глазах вы уже знаете. Ингрид твердила: “Тот, кто создал твое лицо, был помешан на ярких красках”. Но главной чертой дедовой внешности был вовсе не цвет волос и глаз, не рост, не сила рук и не прямая осанка. Вот он, отраженный в воде, кольшущийся чудовищным листом подорожника посередине лица... Адам Азиз, дожидаясь Таи, взирает на свой подернутый рябью нос. На лице менее выразительном такой нос царил бы один, даже тут вы замечаете его первым и помните дольше всего. “Сира-нос”¹, — изрекла Ильзе Любин, а Оскар: “Слоновый хобот”. Ингрид заявила: “По такому носу можно через реку перебраться”. (Переносица была весьма широкая.)

Вот он, нос моего деда: ноздри раздуваются, изгибаются, будто в танце. Между ними возносится триумфальная арка, сперва выдвигается вперед, затем резко скругляется к верхней губе великолепным, чуть покрасневшим кончиком. Таким носом несложно стукнуться о кочку. Не премину засви-

1 “Сира-нос” — намек на знаменитый нос Сирано де Бержерака. Написанная в 1897 г. пьеса Э. Ростана пользовалась особой популярностью среди европейской интеллигенции начала XX в.

детельствовать мою благодарность этому могучему органу, если б не он, кто бы поверил, что я — родной сын моей матери, внук моего деда? Только благодаря этому колоссальному органу мог я претендовать на право первородства. Нос доктора Азиза, сравнимый лишь с хоботом слоноголового бога Ганеши¹, неоспоримо свидетельствовал о том, что быть ему патриархом. Сам Таи ему об этом поведал. Едва Азиз достиг отрочества, как дряхлый лодочник заявил: “С таким носом впору основать династию, мой царевич. Порода будет сразу видать, без ошибки. Моголы дали бы себе правые руки отрезать за такие носы. Потомки теснятся в твоих ноздрях, — тут Таи выразился довольно-таки грубо, — как сопли”.

У Адама Азиза был нос патриарха. У моей матери — нос благородный, свидетельствующий отчасти о долготерпении, у тетки Эмералд — носик заносчивый и чванный, у тетки Алии — интеллектуальный, у дяди Ханифа был нос непризнанного гения, дядя Мустафа держал его по ветру, но оставался всегда на вторых ролях, у Медной Мартышки семейного носа вообще не было, а у меня... я — опять же другое дело. Не годится сразу раскрывать все секреты.

(Таи подплывает все ближе. Он, возгласивший о могуществе носа, везущий деду весть, которая катапультирует его напрямик в будущее, правит своей шикарой, скользит по озерной глади этим ранним утром...)

Никто не помнит тех дней, когда Таи был молодым. Он сновал все в той же лодчонке, все так же согнувшись на корме, по озерам Дал и Нагин... с начала времен. Во всяком случае так считали все вокруг. Жил он где-то в пропитанной грязью утробе старого квартала с деревянными лачугами, и его жена выращивала корни лотоса и другие изысканные растения

¹ Ганеша — в индуизме бог мудрости и образованности, покровитель искусств и литературы. Изображается Ганеша в виде человека с большим животом и слоновьей головой с одним бивнем.